

любовных отношений, вечную оппозицию культуры и натуры, характерно обращение к эротической традиции фольклора (ситуационный параллелизм, тип метафоричности, характер иносказания, сочная лексика).

Ангел и Купидон выступают на ристалище с переменным успехом. Текучесть времени и преходящесть жизни отражаются в парадоксах земного мышления и поступков, что обретает литературное воплощение в дисгармоничном поэтическом образе, в столкновении представлений обыденных и расхожих с философскими и теологическими. Остановленное мгновение отсечено от неизбежной перспективы смерти и оказывается во всевластии плотских наслаждений. Тут торжествует Купидон. Осмысливаемое в движении, оно предстает в меркнувшем свете суетности и в неизбежном ощущении эсхатологического конца. Здесь всевластвует Ангел.

Гедонизм и вольнодумство (столь свойственные высокой культуре Франции XVII в.) обретают параллель или же сталкиваются с католическим высоким культурой Речи Посполитой. Бесконечное разнообразие метафоричности Морштына отражает разные сущности прекрасного в его земных и духовных воплощениях. Поэт стремится к преодолению этой антиномии, обретению гармонии миров Ангела и Купидона. Отсюда релятивизм его мировидения, где противоречия земного и небесного, плотского и духовного, реального и идеального, любви религиозной и любви сексуальной снимаются признанием их красоты и увлеченностью прелестями сиюминутных наслаждений, которые не означают полного забвения вечности эсхатологических истин. Это обретает искусное поэтическое воплощение в обрисовке любви как изощренной игры, противоречия и парадоксы которой отражают двойственность натуры человека и его бытия. Такое осознание ведет к отстраненности повествующего лирического "я" и порождает его иронию как к изображаемому, так и к самому себе – соучастнику и автору одновременно. Порой вольнодумная ассоциация *sacrum et profanum* выходит за рамки метафизических спекуляций: поэтическая концепция берет верх над религиозными чувствами, художник заслоняет христианина, Купидон повергает Ангела. Хрестоматийный пример – сонет "На крестик меж грудей одной панны". Евангелическая картина Христа, распятого между двумя разбойниками, трансформируется в желание оказаться распятым на крестике панны промеж ее "двух злодеев"³. Однако не всегда у него любовь – это упоение, игра, безбидный флирт. В философ-

ско-аллегорическом "Парке любви" Купидон оставляет свой лук и стрелы. Деревья, цветы, травы символизируют страдания, неволю, горечь, обман – суетность и призрачность этого мира. Парадокс фривольной эротики сделал поворот, обнажая другую – скрытую от глаз, но не разума, сознания и совести – сторону беззаботного жизнелюбия.

По стезе Я.А. Морштына шел одно время – как начинающий поэт – его двоюродный племянник Збигнев Морштын (ок. 1628–1689). Его зрелая лирика – своего рода поэтический дневник жизни воина, светского человека, мыслителя и литератора – исторически достоверный, документально точный, интеллектуально глубокий, психологически искренний и художественно проникновенный. В этом отношении характерно само название составленного им сборника стихов, который так и остался в рукописи – "Домашняя Муза". Это поэзия родного очага, которая естественностью звучания (отсутствие искусственной выпренности, риторичной напыщенности, изощренного украшения) и естественностью идеалов (уединенная жизнь в имении, вдали от суетности мира, в кругу семьи) близка шляхетской поэзии, воспевающей гармонию земледельческого труда и философских раздумий на лоне натуры. Гименей заслоняет Ангела и Купидона.

Художественный дар поэта наиболее полно проявился в лирико-философском цикле "Эмблем". Аллегорическая интерпретация библейских образов и афоризмов ("Песнь песней" как мотив христианской любви) открывает путь к преодолению напряженно-трагического ощущения земного непостоянства и раздвоенности бытия на мир духа и мир материи. Смыкаясь с руслом метафизической поэзии, автор воссоздает преисполненную внутреннего драматизма устремленность личности к познанию Абсолюта. Атмосфера религиозного экстаза, граничащего с эротическим упоением, сближает это творение с философско-религиозной лирикой испанского барокко.

Любовные стихи Морштына отражают мир великосветской жизни и высокой литературной культуры, восходящей к средневековым истокам европейской лирики – поэзии трубадуров и менестрелей, воспринятой и развитой поэтами Возрождения и Барокко. Среди его позднейших мэтров – Ф. Петрарка, Д. Марино, Я.А. Морштын. Здесь всевластвует Купидон.

Во внушительной череде тех, кто пробовал свое перо в эпической поэзии, выделяется Самуэль Твардовский (ок. 1600–1661), снискавший у современников славу "польского Вергилия". Человек светский – придворный и поэт, историк и переводчик – он, разделяя идеи Тридентского собора, в то же время был чужд крайностей контр-

³ Не в этом ли и целом ряде других подобного рода пассажей – весьма рискованных с точки зрения общепринятых норм христианского благочестия – кроется одна из причин отказа Морштына от издания своих творений?